

УДК 94(436)

**БРИТАНСКАЯ ПРОПАГАНДА И АДРИАТИЧЕСКИЙ
ВОПРОС В 1917–1918 гг.**© **Дмитрий Игоревич РОГОВ**Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант,
кафедра всеобщей истории, e-mail: RogovDI2010@yandex.ru

Рассмотрено отношение британской пропаганды к проведению границ в Адриатическом регионе в период Первой мировой войны. Проведение послевоенных границ является актуальной темой сегодня. Цель исследования – показать, насколько важным представлялось решение Адриатического вопроса в контексте деятельности британской пропаганды. Рассмотрены материалы “The Times”, касавшиеся темы создания Югославии. Проанализированы цели британской пропаганды в регионе, выявлены причины, по которым пропагандисты желали урегулирования противоречий Италии и Сербии в Адриатическом море. Рассмотрены препятствия, с которыми пришлось столкнуться британским пропагандистам как со стороны Италии и Сербии, так и со стороны собственного правительства, которое под давлением политических обстоятельств не торопилось признавать право на независимость югославян и чехословаков, что снижало эффективность антиавстрийской пропаганды. Показано, что британские антиавстрийские круги видели в решении данной проблемы два аспекта: решение задачи проведения четкой, непротиворечивой антиавстрийской пропаганды, а также при закреплении границ согласно принципу национальности, исключение в будущем конфликтов в Европе, которые могли бы привести к новой большой войне.

Ключевые слова: Адриатический вопрос; британская пропаганда; Югославия; Лондонский договор; принцип национальности.

Феномен «информационных войн» современности делает актуальным обращение к методам работы пропаганды в годы Первой мировой войны, когда происходило их становление. В этой связи представляется уместным проследить процесс преодоления препятствий, встававших на пути у британской пропаганды, и грозивших разрушить выстроенную систему ведения психологической войны. Одно из таких препятствий было связано с территориальным разграничением в Адриатическом море после окончания войны. Этот вопрос тесно переплетался с антиавстрийской пропагандой, привлекавшей к себе внимание историков [1–5]. Истоки вопроса лежали в различном видении на переустройство Европы после окончания войны. Антиавстрийские круги Великобритании, ставившие своей целью разрушение Габсбургского государства, желали, чтобы разграничение произошло согласно национальному принципу, и большая часть австро-венгерского адриатического побережья отошла бы созданному югославянскому государству [6, р. 119; 7; 8, р. 26–31]. Подобные проекты не находили широкой поддержки в политике правительства Соединенного Королевства до 1918 г. На Восточную Адриати-

ку претендовала также Италия, вступившая в войну в мае 1915 г. Незадолго до этого, в апреле 1915 г., был подписан Лондонский договор, суливший Риму значительные приобретения в регионе [9]. Антиавстрийские круги Великобритании немедленно перешли в пропагандистскую атаку, указывая на несправедливость подобного договора.

Р.У. Сетон-Уотсон, являвшийся одним из главных выразителей идей антиавстрийской группы, утверждал, что договор ущемляет интересы югославян. Суть его позиции сводилась к тому, что в Адриатическом вопросе должно быть достигнуто соглашение между Римом и югославами. В противном случае Р.У. Сетон-Уотсон предсказывал неизбежное возникновение конфликта между ними, который может вновь открыть Германии дорогу на Восток и создать угрозу Британской империи. Разграничение предлагалось проводить согласно национальному принципу, который был более выгоден югославам и не мог вызвать энтузиазма у итальянской дипломатии [7].

На протяжении 1915–1917 гг. пропагандисты исходили из этой идеи в своих сочинениях [10; 11, р. 50–51, 118, 123, 174; 12, р. 12, 19]. Тем не менее, они не имели доста-

точной поддержки в правительстве, которое не желало ссориться с Римом. Однако неурегулированность Адриатического вопроса породила серьезные противоречия между Италией, с одной стороны, и Сербией и Югославянским комитетом, с другой. Стороны не проявляли желания договориться. Рим предпочитал придерживаться Лондонского договора, требования югославов также были чрезмерны. Последние осознавали, что находились в более сложном положении. Корфская декларация, провозгласившая стремление югославян к единству, стала неким вариантом выхода из тупика, формально объединившим усилия сербского правительства и Югославянского комитета, и вызвала раздражение итальянской дипломатии [13, p. 167].

Британское правительство, пытавшееся на протяжении 1917 г. заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией, обращало мало внимания на попытки пропагандистов доказать необходимость урегулирования итало-югославских отношений. События второй половины 1917 г. заставили обе конфликтующие стороны пойти на подобие переговоров. Сложное военное положение на Итальянском фронте после поражения при Капоретто заставляло Рим быть более уступчивым. С другой стороны, политика большевиков показывала, что Россия отказывается от поддержки югославянского дела.

Г.У. Сид полагал, что необходимо найти золотую середину между Лондоном и Корфу. Декларация, подписанная на Корфу, по его мнению, играла в пользу Италии, т. к. способствовала укреплению антигабсбургских настроений [13, p. 169-170]. Неформальные переговоры между Италией и югославами начались в конце 1917 г., после поражения при Капоретто, и проходили в доме Г.У. Стида. Генерал Э. Мола, представлявший Италию, настаивал на общем союзном пересмотре военных целей, чтобы Рим не оставался стороной, которая пошла на уступки себе во вред [13, p. 175]. Г.У. Сид полагал, что при составлении договора необходимо исходить из общих принципов, не вдаваясь в подробные территориальные споры, оставляя «серые зоны», по вопросу о которых можно было бы договориться позже. Итальянцы были согласны с таким подходом, но А. Трумбич, возглавлявший Югославянский комитет, настаивал на том, чтобы

прояснить все разногласия сразу же. Такая несговорчивая позиция ставила под угрозу успех переговоров в целом [13, p. 172-174]. Они практически сорвались по вине югославов, но когда перед А. Трумбичем встала угроза потерять поддержку в Англии, он пошел на уступки [13, p. 184]. Благодаря антиавстрийским кругам в Великобритании была достигнута некоторая, хоть и неофициальная договоренность между Италией и югославами. Рим, казалось, готов был согласиться на разграничение по национальному признаку.

Уже в начале 1918 г., после некоторой реорганизации аппарата пропаганды Великобритании, стала очевидна важность этой предварительной договоренности. Лондонский договор открывал широкие перспективы для габсбургской пропаганды. Вена утвердила себя в качестве защитника славянских земель от итальянского империализма [2, p. 177]. Для пропагандистов решение Адриатического вопроса имело колоссальное значение, т. к. позволило бы снять противоречия между союзниками Лондона и проводить более четкую антиавстрийскую пропаганду.

Однако Г. Лассуэлл ошибался, когда писал, что разногласия между Британией и Италией под давлением А. Нортклиффа, руководившего пропагандой во вражеских странах, были устранены перед началом пропагандистской кампании, благодаря которой Вена отложила наступление на Пьяве [14, с. 42]. Пойдя на определенные уступки, носившие неофициальный характер, Италия вовсе не готова была отказаться от Лондонского договора.

Важным событием, связанным с Австро-Венгрией, был Конгресс угнетенных национальностей, проходивший 7–9 апреля 1918 г. в Риме. Место проведения конгресса должно было продемонстрировать сочувствие Италии делу разрушения Австро-Венгрии. Как верно замечал К. Стюарт, съезд сам по себе был важным актом пропаганды [15, с. 42]. На этом съезде присутствовали Г.У. Сид и Р.У. Сетон-Уотсон. Антиавстрийски настроенная «The Times» приветствовала решения конгресса, ставившего целью уничтожение Габсбургского государства [16, Apr. 5, 12, 13, 15]. Важным была поддержка Италией решений этого конгресса и ее союз с сербами, о важности которого газета писала еще в 1915 г.

На конгрессе казалось, что Италия окончательно уступила, но впечатление оказалось преждевременным. Как только опасность наступления миновала, Рим стал менее сговорчивым [13, p. 210-211].

Италия присоединилась к заявлению Великобритании и Франции, распространенному после завершения встречи премьер-министров трех стран в Версале 3 июня 1918 г., в котором четко говорилось о необходимости создания независимой Польши, но не давало никаких обязательств югославам и чехословакам. Г.У. Сид указывал, что первоначально союзники хотели сделать заявление в поддержку независимости Югославии и Чехословакии, но встретили сопротивление Италии, чья позиция вредила делу [13, p. 214-216].

К. Стюарт соглашался со Г.У. Сидом в том, что такая колеблющаяся политика Италии приводила к ослаблению всей антиавстрийской пропаганды в целом. Он утверждал, что если бы Рим присоединился к своим союзникам в мае 1918 г. и признал бы создание независимого югославянского государства и чехословаков союзной воюющей нацией, то Австро-Венгрия была бы разгромлена уже в начале лета 1918 г. [15, с. 49].

“The Times” высказала явное неудовольствие Версальской декларацией. Газета писала, что ее не стоит считать окончательным словом стран Антанты, и указывала на несерьезность отношения их правительств к вопросу о создании Югославии и Чехословакии, когда Австро-Венгрия демонстрировала свою нежизнеспособность. В конце статьи была высказана надежда, что союзники отныне будут более четко обозначать свою позицию [16, Jun. 7]. Впрочем, интервью Т. Орландо, в котором он выразил солидарность с угнетенными народами Австро-Венгрии, поправило подмоченную репутацию Италии в этом вопросе и вызвало удовлетворение А. Трумбича [16, Jun. 20].

Как видим, летом 1918 г. Адриатический вопрос перешел на новый уровень, теперь речь шла уже о признании Югославии, что означало бы триумф британской пропаганды. Для Италии вопрос о признании югославского государства был очень болезненным, а признание его в границах, соответствовавших национальному принципу, было равносильно политическому поражению. Этот во-

прос активно муссировался в “The Times”, одним из основных печатных органов антиавстрийских кругов.

Италия приковывала к себе внимание “The Times” из-за дебатов о признании угнетаемых национальностей и о том, как это отразится на интересах Рима. Согласно “The Times”, итальянская пресса в целом критиковала правительство за его нерешительные действия в отношении признания угнетаемых национальностей Австро-Венгрии. “Secolo” интересовался, почему Италия никак не признает единство и свободу югославян и препятствует созданию югославянских полков на Итальянском фронте. “Corriere della Sera” указывала на то, что раз Сонино хочет обеспечить выполнение условий Лондонского договора, почему бы ему не привлечь на свою сторону США, которые к этому договору не присоединились, ведь в Америке имелись и итальянские эмигранты [16, Aug. 23]. В целом подборка газет выглядит тенденциозной. “The Times” пыталась представить ситуацию так, будто в Италии вся пресса желает признания независимости Югославии, а противником является лишь министр иностранных дел.

“The Times” избегала жесткой критики Великобритании и ее союзников в вопросе построения отношений с Австро-Венгрией и эмигрантскими национальными движениями, делая акцент скорее на положительные моменты в их контактах, чем на отрицательные. Так, критика Версальской декларации оказалась очень мягкой, а сложные перипетии отношений Рима с югославянами не были отражены достаточно достоверно, поскольку акцент был сделан на поддержке итальянскими политиками национального движения на словах, не обращая внимания на то, что официальное признание права на независимость народов двуединой монархии отсутствовало. Впрочем, то же самое можно сказать и о британских политиках. Газета специально не использовала жесткую критику против нерешительного курса стран-союзниц, в частности Италии, показывая успехи в отношениях с угнетаемыми национальностями, что демонстрировало положительные подвижки в этом вопросе.

Сообщения об отношениях между союзниками и представителями угнетенных национальностей дополняли материалы, свя-

занные политическими заявлениями национальных организаций или выступлениями их представителей.

Например, в своем интервью, пересказанном в номере газеты от 24 мая 1918 г., А. Трумбич высказал мнение, что перспективы создания югославянского государства стали более радужными, чем еще 10 месяцев назад, и главным фактором здесь стало изменение итальянского общественного мнения в отношении югославянских устремлений. Так же он высказал расхожую пропагандистскую идею о том, что совместными усилиями Италия и Югославия создадут барьер на пути Германии [16, May 24]. Заявление Югославянского национального военного комитета в Великобритании безапелляционно настаивало на создании независимой Югославии, выдвигая лозунг: «Балканы для балканских народов». Аннексия Боснии и Герцеговины нарушила это правило. Комитет так же прибегал к пропагандистским лозунгам, отстаивая идею широкого экономического сотрудничества нового государства с союзниками, чтобы оно не попало в зависимость от Германии, т. к. это стало с Австрией [16, Jul. 26]. А в номере от 1 августа заявлялось, что создание Югославии не является предметом обсуждения, а представляет собой программу, принятую сербами, хорватами и словенцами [16, Aug. 1]. Также сообщалось о том, что поляки, чехословаки и югославы объявили о своей солидарности в новой декларации и намерены добиться независимости от Габсбургской монархии [16, Aug. 13].

Но далеко не вся британская пресса была столь решительно настроена в отношении Австро-Венгрии. «The Daily Mirror» в вопросе о национальном самоопределении народов Габсбургской монархии была более сдержанной. Ее кредо было следующим: не будут ли новые государства воевать между собой, и не начнут ли они сами угнетать другие народы. Поэтому лучшим выходом являлось постепенное решение вопроса. Федерализм является лучшим решением для двуединой монархии [17, Aug. 16].

Признание Югославии столкнулось не только с итальянским сопротивлением. Г. У. Стид вспоминал, что сербский премьер-министр Н. Пашич и милитаристские круги, близкие к нему, стремились отказаться от югославской платформы, приняв великосерб-

скую программу, которая не предполагала равенства всех югославын. Союзникам пришлось оговаривать, что условием признания является Корфское соглашение [13, p. 234-239].

Оппозиция Италии по вопросу признания Югославии не могла оказаться эффективной в условиях, когда ее союзники в различных официальных заявлениях признавали Югославию. Торжество принципа национального самоопределения делало попытки Рима избежать пересмотра Лондонского договора бессмысленными. Италия вынуждена была признать Югославию 25 сентября 1918 г. Вопрос о том, как пройдет граница в Восточной Адриатике, оставался открытым до урегулирования на Версальской конференции.

Отступление Италии было неизбежным и ознаменовало собой окончательную победу пропагандистов. Разграничение в Адриатическом море прошло примерно так, как представляли себе антиавстрийские круги в Лондоне. Пропагандисты сыграли деятельную роль в попытках урегулировать отношения между Италией и Югославией. Столь близкое участие было вызвано желанием обеспечить активную пропаганду против Австро-Венгрии, нацеленную на ее распад. Разногласия между итальянцами и югославами, претендовавшими на одни и те же области двуединой монархии, препятствовали этому. В перспективе согласие между Римом и Белградом должно было привести к установлению границ, обеспечивающих безопасность Европы в будущем, которые предотвратили бы конфликты на национальной почве и обеспечили бы создание мощного противовеса германскому влиянию в Восточной Европе, что соответствовало видению антиавстрийских кругов. Адриатический вопрос рассматривался как ключевой, с этой точки зрения. Успех пропагандистов и их модели будущего Европы был обеспечен не только активной пропагандой внутри Великобритании и в стане противника, но также тем, что им удалось заручиться поддержкой правительства Великобритании, а также США и Франции, что делало попытки Италии уклониться от каких-либо обязывающих по отношению к югославам действий бессмысленными.

1. *Calder K.* Britain and the Origins of the New Europe. 1914–1918. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1976.
2. *Cornwall M.* The Undermining of Austria-Hungary. The battle for Hearts and Minds. Basingstoke, 2000.
3. *Fest W.* Peace or Partition. The Habsburg Monarchy and British Policy. 1914–1918. N. Y., 1978.
4. *Hanak H.* Great Britain and Austria-Hungary during the First World War. London; New York; Toronto, 1962.
5. *Seton-Watson H., Seton-Watson C.* The making of a New Europe: R.W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. L., 1981.
6. *Namier L.* Germany and Eastern Europe. L., 1915.
7. *Seton-Watson R.W.* The Balkan, Italy and the Adriatic. L., 1915.
8. *Seton-Watson R.W.* The Spirit of the Serb. L., 1915.
9. [http://wwi.lib.byu.edu/index.php?title=The_Treaty_of_London_\(1915\)&oldid=8342](http://wwi.lib.byu.edu/index.php?title=The_Treaty_of_London_(1915)&oldid=8342) (accessed: 2.03.2015).
10. *Savic V.R.* The Reconstruction of South-Eastern Europe. L., 1917.
11. *Seton-Watson R.W.* German, Slav and Magyar. A study of the Origins of the Great War. L., 1916.
12. *Steed H.W.* A Programme for Peace. L., 1916.
13. *Steed H.W.* Through Thirty Years. 1892–1922: in 2 v. L., 1924. Vol. 2.
14. *Ласвель Г.* Техника пропаганды в мировую войну. Москва; Ленинград, 1929.
15. *Стюарт К.* Тайны дома Крю. Москва; Ленинград, 1928.
16. The Times. 1918. (Даты выхода газет указаны в тексте статьи).
17. The Daily Mirror. 1918. (Даты выхода газет указаны в тексте статьи).

Поступила в редакцию 17.03.2015 г.

UDC 94(436)

BRITISH PROPAGANDA AND ADRIATIC QUESTION IN 1917–1918

Dmitriy Igorevich ROGOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, General History Department, e-mail: RogovDI2010@yandex.ru

Relation of British propaganda to drawing boundaries in the Adriatic region during the World War I is reviewed. The drawing of post-war boundaries is relevant theme today. The aim is to determine the role of Adriatic Question in the context of British propaganda. The articles of “The Times” related with creating of Yugoslavia are considered. The purposes of British propaganda are analyzed. The reasons for which British propagandists want settlement of conflict of Serbia and Italy in Adriatic Sea is identified. The obstacles which British propagandists faced were both from Italy and Serbia, as well as from their own government, which was slow to recognize the right to independence of the Yugoslavs and Czechoslovaks under the pressure of political circumstances, which reduced the effectiveness of anti-Austrian propaganda are considered. British anti-Austrian circles saw that this problem has to solve two aspects: anti-Austrian propaganda leading clear and creating post-war boundaries according to the principle of nationality, exclusion conflicts in Europe in the future, which could lead to a new great war.

Key words: Adriatic Question; British propaganda; Yugoslavia; Treaty of London; principle of nationality.